

Василий Буслаевич (10)

Уж как жил-де был Буслай до девеносто лет,
Девяносто лет, а зуба да во рту-ту нету ли.
С Новым-городом Буслай нынче не спаривал,
С мужиками-то ле со новгородскими.
Да состарилсе Буслай, дак всё преставилсе.
Оставалосе его дитя любимое,
Молодой-де Васильюшко Буслаевич,
Со своей-де со родной со матушкой
Да Мамельфой-де нынче да Тимофеевной.
Стало Василею тепериче двенаццет лет,
Он по улочкам с ребятами побегивал,
Он ле шуточки шутил да нехорошия:
Кого хватит за руку — да руку выдернёт,
Кого дернет за ножку — да ногу вывернёт,
Голову-ту ударит — голова с плеча-то ле,
И бежит-де ребенок без головы домой.
Говорят тогда мужички новгородскии:
«Не наполнить нам будет Нова-города дитями ли!»
И приходили мужики ко Васильевой матушки:
«Ах ты гой еси, Мамельфа да Тимофеевна,
Уж как сын-от твой шутит шуточки нехорошия,
Бесповинно калечит наших малых деточёк —
Не наполнить будет нам нынче ведь Нов-город.
И если не уймешь ты своего Ваську Буслаева,
То мы забросим ле Ваську да прямо в Волхово!»
Дождалася его мамонька родимая,
Говорит ему она дак таково слово:
«Уж же что же ты, мой сын, бегашь да со ребятами,
Уж как шуточки ты шутишь да нехорошия?
Ай хотят-де мужики бросить тебя в Волхово!
Ты бы лучше прибрал себе дружинушку,
А то долго ли тебя дак сбросить в Волхово».
Говорит ле тут да Васенька Буслаевич:
«Я-де, маменька, тепериче послушаю».
И заваривал он пива, да пива пьяного,

Наварил он тепере да пива крепкого.
Наливаёт он бочки да сороковочки,
И как ставил он бочки да на круто крыльцо,
Сам садилсе за столы да за дубовыя,
И писал он ярлыки да скорописчаты,
И привязывал ко стрелочкам каленым,
И стрелял-де он стрелочки по Нову-городу.
А как люди были теперь в церквах во божиих,
Да пошли-де из церквей по Нову-городу,
Находили они стрелочки каленыя,
Находили на стрелочках те ярлыки.
Там написано Васильевым Буслаевым:
Всех зовет себе на пир, — дак тут идут к нему,
А идут к нему на пир дак всё стары и малыя.
Ай увидал-де Василий да сын Буслаевич,
Говорил себе ле он дак таково́ словó:
«Не напоить мне будет весь дак Нов ле город-от!»
Выходил Василий на круто крыльцо,
А и брал он ведь вяз дак во двенадцеть пуд,
Говорил-де сам дак таково́ словó:
«Если стерпит кто мой вяз дак буйну голову,
Тот ко мне зайдёт да и будет мой названой брат!»
Говорят тогда мужики дак про себя собой:
«А не упито ле будёт, да не уезжено!
А на век-то ле увечье да будёт нажито!»
Все пошли назад от Васеньки во Нов ле град.
А навстречу бежит им Костя Новоторжанин:
«Каково вы у Васьки упили, каково уели?» —
«Мы не упили у Васьки, да не уели,
А на всех век только увечье да мы всё нажили».
Забегает тут Костя да на широкий двор,
Распахнул он тут бочку да с пивом крепкиим,
Да почерпнул он то пиво да полтора ведра,
Подносил-то к устам своим сахарным.
А и брал-де Васька да свой червлёный вяз,
А и бил-то он Костю-то буйну голову —
Устоял-де детина, да не ворохнетце,
Во руках его ле чарушка не сплещетце.
Говорит Васька ле Кости да Новоторженину:

«А и будь же ты мне, Костя, д' ле е милой друг!»
Заводил он во свои-ти да во полатушки,
Ай садил его за столы-ти да за дубовыя,
Ай поил-кормил его-де нынче досыта.
Прибегаёт ко Васьки Потаня да Хроменькой,
Распахнул-де он бочку да сороковочку.
Почерпнул он тут пива да полтора ведра.
Подскочил-де к Потане и ли всё Хроменьку,
А и стал-то бить его вязом да по хромым ногам —
Устоял тут детина, да не ворохнетце,
Полна чарочка-то пива да всё не сплётчетце.
Заводил он Потаню да в свою светлицу,
Ай садил его за столы-ти да за дубовыя.
И прибежал на двор ко Васьки Фома Горбатенькой.
Не сошел больше Васька да со крутá крыльца,
Только звал он Фому во свою во горницу.
И набрал Васька дружинушки двадцать девять молодцов,
А ле сам-то стал над нима-ти тридцатым.
Говорил Васька-де им нынче таково словó:
«Нам теперече боятьце да будёт некого!»
Цвётно платье они носят да с одного плеча,
Пьют-едят-де ле с ним дак с одного стола.
Услыхали мужики новгородския,
Что прибрал-де-ка Васенька дружинушку,
Собирались они дак место тайноё,
Стали думать они думу, да думу крепкую,
Говорят сами промежду собой дак таково слово:
«Не задумал ли Васенька забрать под свои руки,
Под свои руки ле здесь да нынче Нов-город?»
Выходил ле тут на середь пола-то старчище,
А и стукнул он об пол трижды посохом.
Говорил сам ле слово, да слово мудрое:
«Накурить ведь надо нам да зелена вина,
И созвать нам надо ведь тепере Нов-город.
А не будём только звать одного Ваську Буслаева.
Не придет на пир, то Васька мыслит зло на нас,
А придёт он к нам, то во хмелю дак он промолвитце!»
Говорят тогда мужики новгородския:
«Что сказал старче, так и быть тому теперь».

Наварили они дак зелена вина,
Созывали на пир дак весь ле Нов-город,
Не позвали только Васеньку Буслаева.
Услыхал Васька про пир мужиков новгородских,
И пришел он ле к ним сам со дружиною.
«А и здравствуйте, мужики вы да новгородския!»
Тут ответ держат ему: «Званому честь большая здесь,
А незваному, тому дак всё ле места нет».
А и сами между собою да усмехнулись.
И садилсе Васька да со дружиною,
За столы-ти садились за дубовыи.
Наливали мужики дак зелено вино,
А и сами говорят дак таково слово:
«Кто дружит-де тепере да с Новым-городом,
Тот пусть выпьет вина тепере да досуха».
Тогда брал-де Василий да чару единой рукой,
Выпивает он чару да ее досуха.
И зашла о-де ле хмель Василью да голову,
Говорил он мужичкам дак таково слово:
«Ай и жили вы, мужики новгородския,
А за мною ведь быть всему дак Нову-городу».
Ай ответ держат мужики дак таково слово:
«Ай не быть-то за тобой дак Нову да городу,
Ты еле шибко молодой дак сын Буслаевич,
А теперече тебе нет у нас места в городе».
Тогда стал-де Василий да на резвы ноги,
Да скричал сам Василий да громким голосом:
«Ай же вы, мужики теперь новгородския,
Уж я бьюся с вами дак о велик заклад:
Битьца-ратитьце со утра ле со раннего».
И положили они заповедь великую —
Ай сходитьце им заутро да на побоище.
И ушел-де ле Васенька с пиру домой,
Рассказал он своей мамоньки родимой:
«Завтра битися я буду со всем Ново-городом».
А взяла сына за белые за рученьки,
Отвела она Василья да во глубок погреб,
И спит Васенька ле там, дак не пробудитце.
Уж идти надо ле им бы да на побоище,

Собралися мужики дак как на Волхóв ли мост,
А все Васенька ле спит, дак не пробудитце.
И дружинушка вступила да как в смертный бой
С мужиками-то, с мужиками ступили новгородскими.
Вот и бьютце-дерутце они дак час-другой с нима —
А всё нету Васильюшка Буслаева,
А мужички-ти попетили дружинушку.
У дружинушки все головы прощёлканы,
Ай кушаками головы у них перевязаны.
Тут говорят-де мужики новгородскии:
«Уж вы гой еси, дружинушка-де Васькина!
Ай нас предал-то ведь Васька не за копейчку,
Еще что же, братцы, Васька да за дурак такой!»
В его времё-де Васькина служаночка
За водой пошла она, да воду черпала.
Увидала побоище великое:
Мужички-ти-де нонь новгородскии
Ай попятили Васькину дружинушку.
А дружина-та увидала да тут служаночку,
Говорят сами они ей дак таковó словó:
«Ты не выдай-ко ле нас дак на побоище,
Ты скажи-ко Василью, да пусть нас повыручит!»
Ай побросала служанушка ведёрышка,
Побежала она скоро да скоро-на́скоро,
Прибегала к Василью тому-де погребу,
Закричала сама дак зычным голосом:
Ах ты гой еси, Василий, спишь али так лежишь?
Ай твоя-то ле дружинушка бьетце ровно три часа,
А и головы-ти у них теперь прощёлканы,
Кушаками они да ле перевязаны!»
Воспряну́л тогда от сна Васенька Буслаевич,
Он как выскочил тепере да вон на улицу —
Второпях-то ле не попала да сабля острая,
А попала ему-де ось тележная.
Побежал тогда на побоище великое,
Сам скричал-де Василий да громким голосом:
«А не я ведь вас выдал, мои всё ли братьяца,
А как выдала моя родима мамонька!
Уж вы сядьте-ко на скамеёчки, отдохните-ко-сь,

Я один за вас тепере да поработаю!»
И заходила тут ось его тележная
Ай по тем ли мужикам новгородским.
Где махнет-де ле Василей — да там всё улица,
Отмахнет-де ле Васька — да тут переулочёк,
И уложил мужиков дак ровно счету нет.
Приуныли мужики новгородские,
И повесили они дак буйны головы:
«От беды бы [']к нам тепериче избавитьце».
Насыпали они дак чашу жемчуга,
Ай втору ту ле чашу да красна золота,
Сами шли-де ко тому дак ко Ондронищу
Со подарочками ему дак со великими:
«Ты уйми-ко-се своего любимого крестничка,
Ты оставь-ко-сь нас теперь-де здесь на сёмена!»
Тогда брал от них подарочки немалы,
И надел он на голову дак свою колокол,
И идет тут Ондронище на побоище.
Говорил ле сам таково ему слово-то:
«Уж ты стой-постой-ко-се д' ле всё, детинушка!
Постоим мы еще, стоим, не хвастаём —
Ай воды тебе ле с Волхова не выпити,
В Новом-городи тебе молодцов не выбити!»
Отвечал ему тут Васенька Буслаевич:
«А и гой еси, любимый да крестной батюшка,
Знать, несет тебя сюда дак как лиха судьба,
А я не дал тебе ле яйца с Христова дни,
Так же дам же я тебе яйца с Петрова дни!» —
И ударил по колоколу осищём.
Загудела-то ле медь да вся потрескала,
Присежаёт Ондронище ко сырой земли.
Заглянул тогда Василей-от под колокол,
А у Ондронища во лбу глаз, видно, век не было ли.
Насыпали опять да чашу жемчуга,
А вторую-де чашу да красна золота,
Понесли-де подарки да его матушки,
Говорили ей сами да таково слово:
«Ты Васильёва а-де матушка, Мамельфа Тимофеевна!
Уж уйми-ко-се своёго сына́ любимого,

Ты оставь хошь нас тепериче на семена!
А и рады мы платить да вам со хлебника,
Ай на каждой год с него дак вам по хлебику,
Ай со колачника платить дак по калачику,
А еле бы платить дак вам ле дани-выплаты!»
Побежала тогда она скоро да на побоище,
На побоище побежала, да всё на Волхов мост,
Ай сама то ле тут думат да думу крепкую:
«Спреди зайти, так ему ле да всё ль прилюбитце?
Уж зайду-ко я создаи да добру ль молодцу!»
И скочила назади на плечи молодецкия,
Говорила сама дак таковó словó:
«Ты уйми-ко-се, мой сын, дак ретивó сердцó,
Упусти-ко свои дак как руки белыя,
А оставь-ко мужиков теперь на сэмена!»
Опускались у Василья да руки белыя,
Выпадала да его нынче ось тележная,
Говорил-де сам своей мамоньки родимой:
«Хорошо ты, моя мамушка, удумала,
Ты удумала, моя мамонька, сзади зашла,
Ай взялася за плечи да молодецкия!
Ай если бы спреди ты зашла, я второпях тебя,
Второпях бы да я тебя, в озóрности,
И убил бы тебя за мужичка новгородския!»
И мужики-ти ле тут дак новгородскийи
Ах с Василиём тепере да помирились,
Помирились с Васильём и покорились:
А и стали платить ему со хлебника,
А и стали платить дак со колачника,
А еще платить ему стали да дани-выходы.

*(Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., сел. Усть-Цильма Коми АССР — от
Лагеева Василия Игнатьевича, 69 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.